

DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

Матсас Саввас М.

Афинский национальный университет (Греция)

ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА И ЕГО ПРОВАЛА: НООНОМИКА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ¹

Аннотация: глобальный финансовый кризис 2008 года и его последствия, которые распространялись по принципу домино, стали символом провала неолиберализма как стратегии преодоления кризиса после коллапса международной Бреттон-Вудской кейнсианской системы, сформированной после Второй мировой войны. Технологический прогресс как таковой не способен разрешить стратегический тупик, о чем свидетельствуют проблемы роста производительности. Модернизация должна преодолеть препятствия, вызванные фундаментальным кризисом позднего модерна в эпоху развитого капиталистического упадка. Ноономика представляет собой открытое пространство для изучения взаимодействия научно-технического прогресса и политической экономии в XXI веке. В фокусе внимания – прогресс интеграции науки в общественное производство, основанное на познании и лишенное эксплуатации. Сравнительный анализ концепции «всеобщего интеллекта», предложенной Карлом Марксом в работе «Очерк критики политической экономии», и связанных с ней дискуссий последних десятилетий может оказаться продуктивным. В этой связи ноономика предлагает новые идеи и возможности для пересмотра социалистической стратегии выхода из глобального кризиса.

Ключевые слова: ноономика, неолиберализм, современность, всеобщий интеллект, Маркс, социализм.

Для цитирования: Матсас Саввас М. (2024). После неолиберализма и его провала: ноономика как возможность // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. Т. 3, № 2. С. 70–78. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

Matsas Savvas M.

National University of Athens (Greece)

BEYOND NEOLIBERALISM AND ITS FAILURE: NOONOMY AS POSSIBILITY

Abstract: The 2008 global financial crash and its ongoing spiraling consequences mark the failure of neoliberalism as a strategy of exit from the crisis following the collapse of the post-World War II international Bretton Woods Keynesian framework. Technological progress per se cannot

¹ Статья подготовлена по материалам доклада на 37-й сессии Международного теоретического семинара Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте «Ноономика, модернизация и неолиберализм» (2-3 августа 2024 г., г. Афины, Греция).

solve the strategic impasse as the problems in productivity growth demonstrate. Modernization itself has to overcome the obstacles posed by a fundamental crisis of late modernity in the epoch of advanced capitalist decline noonomy provides an open field of research of the relations between scientific-technological progress and political economy in the 21st century. It focus on the progress of integration of science into a cognition based social production without exploitation. A comparative study with the ‘General Intellect’ concept advanced by Karl Marx in Grundrisse and the related debates on this topic during the last decades could be fruitful. In this context, noonomy provides new insights and possibilities for a re-elaboration of a socialist strategy of exit from the global crisis.

Keywords: Noonomy, neoliberalism, modernity, General Intellect, Marx, Socialism

For citation: Matsas S.M. (2024). Beyond Neoliberalism and its Failure: Noonomy as Possibility. *Noonomy and Noosociety. Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID*, Vol. 3, No. 2, pp. 70–78. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

马萨斯·萨瓦斯 M.
雅典国立大学(希腊)

新自由主义失败及之后, 其智慧经济出路

摘要:2008 年的全球金融危机及其所带来的像多米诺骨牌连锁反应一样的后果, 象征着新自由主义作为第二次世界大战后形成的国际布雷顿森林凯恩斯体系崩溃后的应对危机策略的失败。技术进步本身并不能克服战略僵局, 生产能力增长问题就是证明。现代化必须克服资本主义没落时代晚期根本危机所造成的障碍。智慧经济学为探索二十一世纪科技进步与政治经济学之间的相互作用关系提供了开放的空间。重点在于将科学融入以认知为基础、没有剥削的社会生产方面的进步。对马克思在《政治经济学批判大纲》中提出的“普遍智慧”概念以及近几十年来的相关讨论进行比较分析, 可能会有所收获。在这方面, 智慧经济学为重新审视走出全球危机的社会主义战略提供了新的思想和视角。

关键词:智慧经济、新自由主义、现代性、普遍智慧、马克思、社会主义。

引用注释:马萨斯·萨瓦斯 M. (2024) 新自由主义失败及之后, 其智慧经济出路//智慧经济与智慧社会. 维捷新兴工业发展研究所论文选, Vol. 3, No. 2, pp. 70–78. DOI: 10.37930/2782-618X-2024-3-2-70-78

Конец заблуждения о «конце истории» и угрожающая катастрофа

Глобальный финансовый кризис 2008 года представляет собой ключевой поворотный момент в мировой истории – своеобразный *Zeitenwende* (смена эпох), задолго до того, как канцлер Германии Олаф Шольц применил этот термин в 2022 году в контексте начала специальной военной операции на Украине. Это момент Немезиды истории, наносящий сокрушительный удар по высокомерию иллюзии о «конце истории», которую преждевременно провозгласил западный капитализм в конце XX века после распада СССР в 1991 году.

Разрыв исторической преемственности, произошедший после 1980-х годов, является результатом десятилетий мирового доминирования неограниченного неолиберализма и глобальной экспансии финансового капитала, которую в мейнстримном дискурсе называют глобализацией. Кризис 2008 года представляет собой стратегический провал неолиберализма, а также кульминацию накопившихся глобальных внутренних и внешних противоречий финансового капитала [Matsas, 2022; Matsas, 2024].

Этот кризис стал началом затяжного глобального капиталистического кризиса, великой рецессии или, как ее еще называют, долгой депрессии [Roberts, 2016]. Некоторые исследователи также определяют этот период как третью великую депрессию [Savran, Tonak, 2024, pp. 335-382]. Этот структурно-системный кризис мирового капитализма до сих пор остается неразрешенным, развиваясь по спирали через последовательные кризисные этапы, сопровождающиеся политическими, экономическими и социальными потрясениями. Среди них – кризис еврозоны, нарастающий долговой кризис и финансовое разорение стран Глобального Юга, вызывающие беспрецедентные волны миграции, усиление протекционизма и торговых войн, глобальное гибридное противостояние «коллективного Запада» с Россией и Китаем, сбои в глобальных цепочках поставок, энергетический и продовольственный кризисы, разрушение климата и окружающей среды, пандемии, а также эскалация глобальной геополитической напряженности и конфликтов, угрожающих катастрофой Третьей мировой войны.

Провал неолиберализма знаменует собой стратегический тупик. Неолиберализм функционировал как экономическая стратегия выхода из кризиса, возникшего после краха международной Бреттон-Вудской кейнсианской системы, созданной после Второй мировой войны. Одновременно он служил политической стратегией для сдерживания последствий этого кризиса, в том числе международного революционного подъема рабочего класса, молодежи, угнетенных наций и меньшинств в 1960-1970-е годы.

Кейнсианство и неолиберализм во всех их формах были двумя ключевыми социально-экономическими и политическими стратегиями капитала, разработанными в XX и начале XXI века для того, чтобы сдержать, а в идеале – обратить вспять упадок капитализма в эпоху империализма. Их главной целью было предотвратить повторение краха 1929 года и Великой депрессии 1930-х годов со всеми их катастрофическими последствиями: революциями, фашизмом и новой мировой войной. И в том, и в другом случае они не достигли своей стратегической цели.

Кейнсианство после Второй мировой войны потерпело крах в социально-экономическом и политическом хаосе в конце 1960-х – начале 1980-х годов. Неолиберализм как стратегический выход из провала кейнсианства встретил свой предел и провал в 2007-2008 годах. Крупные буржуазные экономисты, аналитические центры, а также международные институты, такие как МВФ, Всемирный банк и Банк международных расчетов вынуждены публично признать отсутствие долгосрочной альтернативной стратегии. В арсенале остаются лишь экстренные тактические меры для реагирования на чрезвычайные ситуации [Matsas, 2023]. Их реакция носит эмпирический характер, возникая постфактум после каждого нового кризиса. Это выражается в применении смеси «гетеродоксальной» фискальной и монетарной политики со стороны центральных банков и правительств, включающей стимулирующие пакеты ликвидности, количественное смягчение или ужесточение через манипуляции процентными ставками и другие меры. В результате каждый такой инструмент превращается в бумеранг, что, как показывает новый рост инфляции, усугубляет тупиковую ситуацию.

Сочетание централизованного государственного вмешательства с усилением неолиберальной политики приватизации и дальнейшим ухудшением условий жизни обездоленных масс не может рассматриваться как последовательная стратегия выхода из кризиса. Все эти попытки преодоления кризиса, включая иллюзорные идеи «анархо-капиталистического либертарианства», представляемые такими фашистскими фигурами, как Милей, Болсонаро или Республиканская партия при Трампе, указывают не на жизнеспособность неолиберализма, а на его необратимое банкротство и исторический тупик, в котором оказались деградирующие правящие классы.

Варварские тенденции выходят на передний план как средство преодоления исторического тупика упадка глобальной социальной системы с помощью *manu militari*, через политическое насилие как внутри страны, так и на международной арене. Государственный авторитаризм, фашизм и глобальная война империалистического Запада против «опасного остатка» грозят всему человечеству тотальной катастрофой. Необходимость альтернативного выхода из этого тупика сейчас как никогда актуальна.

Сможет ли технический прогресс выйти из исторического тупика?

В 1990-е годы, в «горячие дни» триумфальной глобализации капитала и «однополярного момента» глобальной гегемонии США, внедрение Интернета и цифровая технологическая революция были встречены на Всемирном экономическом форуме в Давосе как «4-я промышленная революция» и даже как создание «постиндустриального общества».

Даже сейчас, после четырнадцати лет глобального кризиса, доминирующий нарратив об искусственном интеллекте и возвышение высокотехнологичных гигантов Кремниевой долины продолжают формировать идеологическое мировоззрение, в котором будущее определяется неостановимым технологическим детерминизмом, игнорируя социальные препятствия и противоречия. Технология вне истории становится фетишистской формой нового/старого нарратива о «конце истории». Уже на рубеже нового века, в книге Дж. Стиглица «Глобализация и ее недостатки» [Stiglitz, 2002], отмечаются возникающие проблемы, связанные с цифровой революцией.

Фундаментальным экономическим критерием для исследования влияния внедрения новых высоких технологий в мировую экономику является *темпы роста производительности труда*. Несмотря на цифровую революцию, темпы роста производительности труда после первоначального импульса в 1990-х годах вновь начинают замедляться в США и на Глобальном Севере. Примечательно, что в период 1997-2022 гг. рост производительности труда в Китае составила 7,7%, а в Северной Америке – 1,6%. За тот же период вклад в рост мировой производительности, взвешенный по доле ВВП, составил 37 % для Китая и 13 % для Северной Америки¹.

Неравномерность и разрыв в росте производительности труда между сектором высоких технологий и другими отраслями американской экономики становятся все более глубокими. В результате нарастает *кризис диспропорций*, который усугубляет затянувшийся *кризис перепроизводства капитала*, особенно заметный в стагнации и спаде *производственного сектора «реальной производственной экономики»*. Американские высокотехнологичные гиганты, известные как «Большая семерка», играют ключевую роль в финансовом секторе, о чем свидетельствует их доминирование в сфере высоких технологий на индексах NASDAQ

¹ McKinsey Global Institute (2024). Labor Productivity Growth, CAGR 1997-2022.

и S&P. Разрыв между разросшейся финансовой сферой сверхнакопленного фиктивного капитала и его материальной основой в стагнирующей и даже сокращающейся производственной сфере американской и мировой экономики становится чудовищным. Дикие спекулятивные ожидания, основанные на фетишистских иллюзиях о высоких технологиях, порождают огромные финансовые «пузыри», которые представляют собой большую угрозу, чем те, что лопнули во время кризиса «дот.ком» в 2001 году или в 2007 году на рынке субстандартной ипотеки в США, ставшего предвестником глобального финансового кризиса 2008-2009 годов. Теперь неравномерный финансовый рост стран «Большой семерки» делает их не только главной движущей силой фондового бума, но и источником *огромной финансовой нестабильности* не только в США, но и на *мировых рынках*¹.

Согласно данным, недавно опубликованным МОТ, технологический прогресс в условиях капитализма значительно усиливает социальное неравенство как между странами «Глобального Севера» и «Глобального Юга», так и внутри обществ с развитой капиталистической системой на «Глобальном Севере». Как пишет Д. Штраус в *Financial Times*, за периодом «восстановления» после пандемии Covid-19 последовало *«заметное снижение доли труда в мировом производстве»*. Работники действительно сталкиваются с *«растущим неравенством по мере того, как все больше распространяется генеративный искусственный интеллект»* [Strauss, 2024].

Д. Асемоглу, выдающийся профессор экономики Массачусетского технологического института, в своих исследованиях, публикациях [Acemoglu, 2023; Acemoglu, 2024] говорит о необходимости «переосмыслить искусственный интеллект». По его мнению, нужно обеспечить необходимый контроль со стороны человека, чтобы избежать неправильного использования этой технологии и направить ее на благо человечества.

Влияние передовых технологий на социальную структуру, основанных на искусственном интеллекте, стало центральной темой исследований и дискуссий среди социологов. Также данным вопросом обеспокоены представители профсоюзного движения, которые изучают влияние этих технологий на современный рынок труда и его будущее [Ponce del Castillio A, 2024].

«Искусственный интеллект – еще один пример пропасти между имущими и неимущими», – подчеркивает Джон Феффер. По его словам, «более богатые страны используют искусственный интеллект для создания экономики нового поколения. В остальном мире, который борется за выживание, небольшое количество электроэнергии означает разницу между жизнью и смертью. Без более справедливого распределения власти – как политической, так и в сфере электроэнергии – страны «Глобального Юга» с помощью искусственного интеллекта смогут сделать лишь пару шагов вперед, в то время как «Глобальный Север» уйдет далеко вперед» [Feffer, 2024].

И, наконец, не стоит забывать о влиянии сектора высоких технологий на ухудшающееся, угрожающее жизни глобальное изменение климата. Искусственный интеллект потребляет большое количество энергии, особенно электрической. Это серьезно усугубляет экологиче-

¹ Примечание: глобальная турбулентность на мировых финансовых рынках 2-4 августа, совпавшая с 17-й Международной конференцией WARE, на которой впервые была представлена эта статья, и завершившаяся «черным понедельником» 5 августа 2024 года, началась с проблем в американском высокотехнологичном секторе. Эти проблемы также совпали с новостями о замедлении экономического роста США, а затем со спекулятивной деятельностью, такой как торговля иеной в Японии, и свертыванием монетарной политики количественного смягчения.

ский кризис и затрудняет принятие срочных мер по его преодолению. Таким образом, впечатляющий технологический прогресс последних десятилетий *не помог выйти из стратегического тупика*, в который попали неolibерализм и кейнсианство после своего провала, и *не привел к выходу из глобального кризиса* и началу новой эры мирового экономического роста при капитализме. Напротив, в условиях доминирующих социально-экономических, геополитических и геоэкономических факторов он усиливает и обостряет *все существующие системные противоречия: перепроизводство, диспропорции, недопотребление, тенденцию к снижению нормы прибыли*.

Как предсказывал К. Маркс, «мировой кризис следует рассматривать как действительное сосредоточение и насильственное приспособление всех противоречий буржуазной экономики» [Marx, 1975, p. 510]. Эти противоречия не разделены и не являются внешними по отношению друг к другу, они сходятся не случайно. Они образуют интегрированное, развивающееся «единство многообразного» [Marx, 1973, p. 101].

К. Маркс, технология и всеобщий интеллект

Научно-технический прогресс все больше интегрируется в производство, знания становятся общественной силой производства и все сильнее сталкиваются с общественными производственными отношениями капитализма, как точно предсказал Маркс. Знаменитая глава Маркса «Всеобщий интеллект» в «Очерке критики политической экономии» [Marx, 1973, pp. 704-706] становится особенно актуальной и поучительной в эпоху новой научно-технической революции.

Давайте еще раз внимательно прочитаем эту главу. Во-первых, интеграция познания в производство, основанное на отношении стоимости и «массе непосредственного рабочего времени», не только изменяет условия процесса труда, но и, что самое важное, подрывает трудовой закон стоимости, который доминирует в капиталистическом производстве. Обмен живого труда на овеществленный труд, т.е. выдвигание общественного труда в виде противопоставления капитала и наемного труда, есть высшее развитие ценностного отношения и производства, опирающегося на ценность. Его предпосылкой является – и остается – количество непосредственного рабочего времени, затраченного труда как определяющий фактор производства богатства. Но с развитием крупной промышленности создание реального богатства начинает зависеть не столько от времени труда и количества затраченных усилий, сколько от мощности задействованных в процессе производства механизмов. Их «могучая действенность» сама по себе не связана напрямую с продолжительностью рабочего времени, потраченного на их изготовление. Она определяется общим уровнем развития науки и прогрессом технологий, а также применением научных достижений в производстве. Развитие же этой науки, особенно естественных наук, и всех остальных вместе с ней, в свою очередь, связано с прогрессом материального производства.

Исторически сложившаяся форма реального социального жизненного процесса, который представляет собой социальный обмен между человеческим обществом и природой, основанная на ценностном отношении как регулятивном принципе, становится совершенно не соответствующей глубинным требованиям своего содержания. Труд больше не воспринимается как непосредственная часть производственного процесса; вместо этого человек рассматривает сам процесс производства как наблюдатель и регулятор. Рабочий

больше не вставляет модифицированную природную вещь [Naturgegenstand] в качестве промежуточного звена между объектом [Objekt] и собой; вместо этого он интегрирует преобразованный в промышленный процесс природы в качестве средства между собой и неорганической природой, овладевая ею. Он становится частью производственного процесса, а не его основным действующим лицом. В этой трансформации речь идет не о непосредственном человеческом труде и времени работы, а о присвоении общей производительной силы, понимании и владении природой как социальной сущности. В конечном итоге это развитие социального индивида становится основой для производства и создания богатства.

Капиталистическая эксплуатация, или «кража чужого времени», основанная на отчуждении непосредственных производителей от средств производства, процесса производства и его продукта, а также на отчуждении субъекта производства от самого себя, обнажает «жалкую основу» богатства, созданного промышленным развитием и технологическими революциями. Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется нынешнее богатство, представляется жалким фундаментом на фоне нового, созданного самой крупной промышленностью. Как только труд в непосредственной форме перестает быть великим источником богатства, время труда перестает и должно перестать быть его мерой, а значит, меновая стоимость должна перестать быть мерой потребительной стоимости. Прибавочный труд массы больше не является условием развития общего богатства, как и нетрудовая деятельность немногих людей – условием развития общих сил человеческого разума. При этом производство, основанное на меновой стоимости, распадается, а непосредственный, материальный процесс производства лишается формы нищеты и антитезы. Создаются исторические материальные условия для освобождения от отчуждения, для «свободного развития индивидуальностей», для *Homo Creator*.

Речь идет о свободном развитии индивидуальностей, а значит, не об уменьшении необходимого рабочего времени ради создания прибавочного труда, а об общем сокращении необходимого труда общества до минимума. Это время затем будет посвящено художественному, научному и другим видам развития индивидов с использованием созданных для всех средств. Капитал как движущееся противоречие сам создает эти материальные условия, чтобы взлелеять свой собственный ограниченный фундамент.

Капитал сам по себе представляет собой движущееся противоречие, поскольку он стремится сократить время труда до минимума. При этом, с другой стороны, он рассматривает время труда как единственный критерий и источник богатства. Таким образом, он сокращает время труда в необходимой форме, чтобы увеличить его в излишней форме. Излишек во все большей степени становится условием – вопросом жизни или смерти – для необходимого. С одной стороны, он пробуждает все силы науки и природы, а также социальной комбинации и социального взаимодействия, чтобы сделать создание богатства независимым (относительно) от времени труда, затраченного на него. С другой стороны, он хочет использовать рабочее время в качестве измерительного инструмента для созданных таким образом гигантских социальных сил и ограничить их пределами, необходимыми для сохранения уже созданной ценности. Силы производства и общественные отношения – две разные стороны развития социального индивида – представляются капиталу лишь средствами, которые он использует на своей ограниченной основе. На самом деле, однако, они являются материальными условиями для того, чтобы завалить этот фундамент до небес.

С этой диалектико-исторической материалистической точки зрения процесс интеграции научных знаний в производство, включая современную цифровую революцию искусственного интеллекта, не отменяет, а обостряет противоречия в отношениях между капиталом и трудом. Она не отменяет классовую борьбу, а, напротив, поднимает ее на новый, более высокий уровень, формируя новое поле боя. Недавняя борьба работников Amazon – одно из первых проявлений. НТР всегда взаимосвязана с переходной эпохой социальных преобразований.

Маркс подчеркивал: «Природа не создает никаких машин, никаких локомотивов, железных дорог, электрических телеграфов, самодвижущихся мулов и т.д. Это продукты человеческой промышленности; природный материал, превращенный в органы человеческой воли над природой или человеческого участия в ней. Они – органы человеческого мозга, созданные человеческой рукой; сила знания, овеществленная. Развитие основного капитала показывает, насколько общее социальное знание стало непосредственной силой производства и в какой степени условия самого процесса социальной жизни оказались под контролем общего интеллекта и были преобразованы в соответствии с ним. В какой степени были произведены силы общественного производства, не только в форме знания, но и как непосредственные органы социальной практики, реального жизненного процесса» [Marx, 1973, с. 706].

Научный прогноз Маркса о переходе к обществу, в котором «условия самого процесса общественной жизни перешли под контроль всеобщего разума и преобразуются в соответствии с ним», можно рассматривать как предчувствие, в марксовом понимании, *ноообщества*. В нем всеобщий разум играет роль ноосферы, согласно Вернадскому, которую теория ноономики исследовала под новым углом зрения.

Ноономика и социализм

Ноономика, представленная в публикациях профессора Сергея Бодрунова [Bodrunov, 2024; Bodrunov, Desai, Freeman, 2022], не является набором фиксированных технократических правил, которые навязываются быстро меняющейся социальной реальности. Она не ограничивается повторной разработкой необходимого экономического проекта реиндустриализации и модернизации. К ней нужно подходить как к *открытому полю для исследования отношений между научно-техническим прогрессом и политической экономией в XXI веке*. В центре внимания – прогресс интеграции науки в социальное производство, основанное на познании. Оно по своим внутренним потребностям развития требует перехода не только за пределы провала неолиберализма, но и за *пределы экономики, основанной на прибыли, эксплуатации и отчуждения*. В ней говорится о возможности и необходимости перехода от *Ното Economicus* к *Ното Creator*, эмансипированному постэкономическому человеку, способному свободно развивать все свои потенциальные возможности. С этой точки зрения ноономика сходится с социалистическим проектом перехода к царству универсальной человеческой эмансипации, где *«свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех»*. Развиваясь в этом направлении, ноономика может дать новые плодотворные идеи и возможности для повторной разработки социалистической стратегии выхода из текущего глобального кризиса.

Список источников/References

- Acemoglu D. (2024). The Simple Macroeconomics of AI. *Economic Policy*. 49 (120)
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. New York: Public Affairs. 560 p.
- Acemoglu D. (2024). Rethinking the AI, The Economic Show with Soumaya Keynes, Transcript in Financial Times, September 2.
- Bodrunov S. (2024). *Noonomy*. USA: Apple Academic Press. 260 p.
- Bodrunov S.D, Desai R., Freeman A. (2022). *Beyond the Global Crisis: Noonomy, Creativity, Geopolitical Economy* St.-Petersburg: S.Y Witte INID publications Mc Kinsey Institute. 296 p.
- Feffer J. (2024). *Foreign Policy in Focus*, July 17.
- Marx K. (1973). *Grundrisse*. London: Penguin. 862 p.
- Marx K. (1975). *Theories of Surplus-Value, Part II*. Moscow: Progress Publishers. 510 p.
- Matsas S.M. (2022). "De-globalization" or Capital Globalization in Crisis? Paper presented at the IV Russian Social Forum (RSF-2022).
- Matsas S.M. (2023). *Crisis of Global Transition: Noonomy as Possible Future*, Noonomy and Noosociety: Almanac of Scientific Works of the S.Y. Witte INID. Vol. 2. No 3. Pp 60-67.
- Matsas S.M. (2024). *Global Trends of integration and fragmentation*. Paper presented at the SPEC-2024.
- Ponce del Cartillo A. (2024). *Artificial Intelligence, Labour, and Society* European Trade Union Institute ETUI.
- Roberts M. (2016). *The Long Depression*, Haymarket Books.
- Savran S., Tonak E.A. (2024). *In the Tracks of Marx's*. Capital Palgrave MacMillan. Pp. 335-382.

Информация об авторе

Матсас Саввас Михаил

Профессор Афинского национального университета (Греция)

E-mail: savvasmatsas@gmail.com

Information about the author

Matsas Savvas Michael

Professor at the National University of Athens (Greece)

E-mail: savvasmatsas@gmail.com